

© 2009 г. А.А. КИБРИК

МОДУС, ЖАНР И ДРУГИЕ ПАРАМЕТРЫ КЛАССИФИКАЦИИ ДИСКУРСОВ*

Дискурсивный анализ представляет собой особый уровневый раздел лингвистики, наряду с фонетикой, морфологией и синтаксисом. Предметом этого раздела являются языковые составляющие потенциально неограниченного объема – целые дискурсы. Одна из основных задач дискурсивного анализа – определить параметры классификации дискурсов, то есть построить таксономию типов дискурса. В статье рассматриваются важнейшие параметры такой таксономии, в том числе различие по модусу (устный/письменный), по жанру, по функциональному стилю. Будучи принципиально независимыми, различные классификационные параметры тем не менее обнаруживают определенные вторичные связи – так, устный модус типично ассоциирован с одними функциональными стилями, письменный – с другими. Типы дискурсов, выделяемые по разным классификационным параметрам, обладают определенными лексико-грамматическими характеристиками, и этим обусловлена связь между дискурсивным анализом и более традиционными уровневыми разделами лингвистики.

1. ВВЕДЕНИЕ

В истории современной лингвистики наблюдается постепенное увеличение размера языковых составляющих, оказывающихся в фокусе интереса исследователей. Нетрудно заметить, что в течение большей части XX в. основные интересы лингвистов постепенно смещались – сначала с фонологии на морфологию, затем на синтаксис. В последние десятилетия стало ясно, что синтаксические составляющие – это далеко не максимальные языковые единицы, которые подлежат научному изучению. Возник уровневый раздел лингвистики, исследующий целые дискурсы – **анализ дискурса**, или **дискурсивный анализ**. По-видимому, можно утверждать, что увеличение составляющих, находящихся в центре внимания, – это главная тенденция современной лингвистики. Одна из ранних работ, где данная тенденция была заявлена уже в заголовке [Фигуровский 1948], была опубликована 60 лет назад. Но, как известно, научные идеи не всегда быстро пробивают себе дорогу.

Процесс переноса интереса с синтаксиса на дискурс еще далеко не завершен и не отрефлексирован, но представляется, что это необратимый процесс. Все большее число лингвистов разделяет мнение, что исключение единиц «больших, чем предложение» из сферы науки о языке отнюдь не идет на пользу. А если такие единицы начинают рассматриваться как respectable объект научного анализа, то недалеко и до осознания простого факта: дискурс – это единственный заведомо реальный лингвистический объект. Люди разговаривают между собой дискурсами, а не предложениями и тем более не морфемами или фонемами. Это отличает дискурс от других языковых единиц, которые представляют собой научные конструкторы, плоды того или иного анализа, а раз так, то и трудно достичь согласия относительно их состава и природы. Поэтому естественное построение лингвистики как науки и следовало бы начинать с исследования дискурса, а лишь с учетом этого уровня исследовать более мелкие единицы, полученные в результате аналитических процедур.

* Данное исследование поддержано грантом РГНФ №08-04-00165а, а также грантом Фонда содействия отечественной науке. Автор благодарен обоим фондам за поддержку.

2. ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Понятие «дискурс» понимается ниже как единство двух сущностей – процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, т.е. текста. Благодаря такому двуединству, дискурс можно изучать и как разворачивающийся во времени процесс, и как структурный объект. «Дискурс» – это максимально широкий термин, включающий все формы использования языка.

Подобно другим лингвистическим дисциплинам (а также вообще эмпирическим наукам), дискурсивный анализ сосредотачивает внимание на нескольких основных вопросах: (а) какими бывают исследуемые явления? (б) какова структура этих явлений? (в) как эти явления связаны с явлениями из смежных областей? В соответствии с этими вопросами, дискурсивный анализ как дисциплина состоит из трех основных разделов [Кибрик 2003]:

- типология (таксономия, классификация) дискурсов – какие разновидности дискурсов встречаются и какие классификационные параметры могут использоваться для их типологизации;
- структура дискурса – из каких компонентов строится дискурс;
- как дискурсивные явления связаны с другими языковыми явлениями.

Два последних раздела разработаны в дискурсивном анализе более подробно. Так, довольно много известно о **структуре дискурса**. Различаются два основных уровня дискурсивной структуры – глобальная и локальная. Глобальная структура – это структура наиболее крупных составляющих дискурса, например, если речь идет о газетной статье – абзацев. Локальная структура – это структура, состоящая из минимальных единиц, которые имеет смысл относить к собственно дискурсивным. В настоящее время широко распространена точка зрения, что минимальной дискурсивной единицей является предикация (клауза); см., например [Кибрик, Подлесская 2006]. Глобальная и локальная структура не разделены жестко, напротив, они могут быть представлены как два полярных уровня единой иерархической структуры дискурса. Одна из наиболее продвинутых концепций иерархической структуры дискурса, позволяющая единым образом описать глобальную и локальную структуру, – теория риторической структуры У. Манна и С. Томпсона [Mann, Thompson 1988].

Весьма развиты также исследования, фокусирующиеся на **связи дискурсивных явлений и более «мелких» уровней языка**. Многие морфосинтаксические, лексические и фонетические явления могут быть поняты лишь с учетом лежащих в их основе дискурсивных факторов. Например, семантические типы обстоятельственных придаточных – это фактически частные случаи риторических отношений (таких, как цель, причина, условие, время, контраст и др.), которые могут связывать дискурсивные единицы разного объема. В ряде языков выбор между финитным и нефинитным оформлением предиката является дискурсивно мотивированным (см. [Кибрик 2008]). Явление лексического референциального выбора (полная именная группа vs. анафорическое местоимение) можно описать, лишь апеллируя к дискурсивным факторам – таким, как расстояние до антецедента в числе предикаций, наличие/отсутствие дискурсивных границ между данной точкой дискурса и антецедентом и т.д. Многие просодические явления (выделительные акценты, тоны в акцентах, темп и т.д.) являются полностью дискурсивно мотивированными. О связи грамматики и дискурса см. [Плунгян 2008].

Значительно слабее разработан в дискурсивном анализе первый из трех упомянутых выше разделов, связанный с **таксономией дискурса**. В ряде недавних обобщающих трудов по дискурсивному анализу (например [van Dijk (ed.) 1997; Schiffrin et al. 2001]) эта проблематика представлена весьма пунктирно. В целом, в области таксономии дискурса решающего прорыва пока не произошло. Это не удивительно – формы дискурса столь же разнообразны, как и формы самой человеческой жизни. Расклассифицировать все разновидности дискурса на типы – крайне сложная задача. Кроме того, в литературе о типах дискурса царит крайний разнобой, разные авторы предлагают совершенно несоотносимые подходы. Цель настоящей работы – попытаться

выявить наиболее важные параметры классификации дискурсов и обсудить взаимодействие между ними.

3. МОДУС

Самое крупное противопоставление между типами дискурса – это противопоставление по **модусу**¹, или каналу передачи информации. Исходным, базовым модусом является **устный**, основанный на звуковом взаимодействии между говорящим и адресатом. Говорящий порождает звуковой сигнал при помощи своего артикуляторного аппарата, а адресат его воспринимает как акустический при помощи слуха. Возможно, имеет смысл выделять **жестовый** модус, основанный на визуальном взаимодействии между говорящим и адресатом. Жесты, сопровождающие обычную устную речь, настолько тесно интегрированы со звуковой речью, что отделить их в особый модус вряд ли возможно. Однако существует совершенно иной тип использования жестов – жестовые языки глухих. В них визуальный канал, очевидно, является единственным, поэтому при таком способе взаимодействия говорить об устном модусе было бы довольно странно, учитывая этимологию слова «устный».

С самого начала существования языка, по-видимому, существует и **мысленный** модус, при котором человек создает внутренний дискурс, непосредственно недоступный никому другому. Тем самым, человек пользуется языком, не оставляя при этом никаких перцептивно доступных следов языковой деятельности. В этом случае язык также используется коммуникативно, но одно и то же лицо является и говорящим, и адресатом. В силу отсутствия наблюдаемых следов мысленный дискурс исследован гораздо меньше, чем устный и письменный. Это явление традиционно изучается не столько в лингвистике, сколько в психологии, начиная со знаменитой монографии Л.С. Выготского [Выготский 1934]. Вероятно, в будущем исследования устного и мысленного дискурса должны объединиться, поскольку два эти модуса неразрывно связаны между собой и не могли бы существовать один без другого.

Гораздо больше известно о соотношении между устным модусом и **письменным**. Письменный модус, основанный на зрительном сигнале, возник в истории вида *Homo sapiens* относительно недавно, около 5000 лет назад. Хотя письменный язык изучать безусловно удобнее, элементарная логика требует признать его вторичность и производность. Совершенно очевидно, что устный модус – это исходная, фундаментальная и более простая форма существования языка, а письменный дискурс является производным от устного и представляет собой более позднюю, вторичную разновидность языка – и в онтогенезе, и в филогенезе. Большинство человеческих языков и по сей день являются бесписьменными, то есть существуют только в устной форме.

Очевидная, казалась бы, идея о приоритете устной формы языка с трудом пробивала себе дорогу в лингвистике. В ходе развития европейской цивилизации (и некоторых других цивилизаций) письменная форма языка приобрела экстраординарную культурную роль. Многие культуры были фактически созданы вокруг тех или иных сакральных письменных текстов – достаточно упомянуть роль Библии в культуре евреев и позже европейских народов. Это обеспечило письменной форме языка высокий престиж и создало обычно неэксплицируемое, но популярное убеждение, что письменный язык – истинный, «чистый», «правильный», освобожденный от всяких случайностей, собственно единственная форма языка, заслуживающая просвещенного внимания ученых, а устный язык – всего лишь «испорченная» версия этого правильного языка. Эта точка зрения из обыденного сознания была унаследована многими поколениями лингвистов. После того как некоторые лингвисты признали (в XIX в.) приоритет устного языка, в течение большей части XX в. не осознавалось то обстоятельство,

¹ Автор отдает себе отчет в том, что этот термин очень неоднозначен в современной лингвистике, и не настаивает на нем.

что письменный язык и транскрипция устного языка – не одно и то же. Удивительным образом и сейчас многие лингвисты не осознают ни приоритета устного языка, ни того факта, что письменный язык не тождествен языку вообще. Равноправие или приоритет письменного языка редко отстаивается в эксплицитной форме, гораздо чаще можно встретиться с имплицитной практикой, в соответствии с которой лингвисты обращают внимание только на письменную форму языка и полагают, что, изучая письменные предложения, они изучают язык вообще.

Мнение о большей ценности письменного языка просачивается и в научную литературу, даже в ту, которая фокусируется на устной речи. Так, коллектив под руководством Е.А. Земской, который имеет очень большие заслуги в области документации устного русского языка и привлечения внимания к этой форме русского языка, в своих публикациях явно исходит из предпосылки, что «кодифицированный литературный язык» – это основная, так сказать немаркированная, форма русского языка, а русская разговорная речь – некоторое отклонение от этого идеала.

Реальное сопоставление устного и письменного дискурса как альтернативных форм существования языка началось лишь в 1970-е гг. В частности, это касается уже упомянутого проекта по изучению русской разговорной речи под руководством Е.А. Земской – весьма пионерского для своего времени (см., например [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981]). Для традиционной русистики характерно подавляющее преобладание интереса к письменному языку. Ср. [Русскую грамматику 1980], которая основана на иллюстративном материале, почти исключительно взятом из художественной литературы. Группа Земской указала на объект, который этими описаниями совершенно не охватывается. Основной вывод, к которому пришли авторы, состоит в том, что русский язык представляет собой две различные системы: кодифицированный литературный язык и разговорная речь. На русском материале Е.А. Земская и ее соавторы открыли и описали многие особенности разговорной речи – такие, как ее творческий характер (в том числе в словообразовании) и одновременно клишированность, связь с конситуацией, активное использование просодии и жестов. Впервые были описаны многие принципиально важные явления устного русского языка – например, тенденция к помещению рематических компонентов в начало синтагмы. Есть и ряд других работ об устной русской речи – так, О.А. Лаптева [Лаптева 1976] указала на дискретность устной речи, ее порождение в виде последовательности сегментов, а также на неприменимость стандартного понятия предложения к устной речи.

Различие в канале передачи информации имеет принципиально важные последствия для процессов устного и письменного дискурса. Эти последствия были исследованы У. Чейфом в работе [Chafe 1982], в которой он сопоставил два корпуса дискурсов – устных и письменных. Первое из двух главных последствий связано с разным **временным режимом** речи и письма. При устном дискурсе порождение и понимание происходят синхронизированно, а при письменном – нет. При этом **скорость** письма (рукописного) более чем в 10 раз ниже скорости устной речи, а скорость чтения несколько выше скорости устной речи. В результате в устном дискурсе имеет место явление **фрагментации**: речь порождается толчками, порциями, квантами – так называемыми просодическими единицами, которые типично отделены друг от друга паузами, имеют признаки просодической завершенности и автономности (единый интонационный контур, наличие одного главного акцента, темповый и громкостный паттерны) и типично совпадают с простыми предикациями, или клаузами (clause). При письменном же дискурсе происходит **интеграция** предикаций в сложные предложения и прочие синтаксические конструкции и объединения. Так, в корпусе, исследованном У. Чейфом, в устном дискурсе частота номинализаций составила 4,8 на тысячу слов, в письменном – 55,5. Этот количественный эффект связан с тем, что для письменного дискурса очень характерно описание событий не в виде глагольных предикаций, а в виде отглагольных именных групп, и такие события тем самым интегрируются в состав других событий. Еще один показатель – частота серий предложных групп (типа *пошел в воскресенье в зоопарк с детьми* или англ. *the question of the nature of referential forms*

‘вопрос о природе референциальных форм’): для устного дискурса частота таких серий составила 1,8 на тысячу слов, а для письменного – 16,2. Обнаруженные Чейфом синтаксические явления, имеющие очень разные частоты в устном и письменном дискурсе, подытожены в Таблице 1. Все эти явления являются частными реализациями оппозиции фрагментация vs. интеграция.

Таблица 1

**Проявления оппозиции фрагментация vs. интеграция, согласно [Chafe 1982]
(встречаемость на тысячу слов)**

	Номинализации	Причастия	Атрибутивные прилагательные	Сочинение	Серии предложений групп	Дополнительные придаточные	Относительные придаточные
Устная речь: фрагментация	4,8	8,3	33,5	5,8	1,8	8,9	9,7
Письмо: интеграция	55,5	35,6	134,9	23,8	16,2	19,2	15,8

Второе принципиальное последствие, вытекающее из различия устного и письменного модусов – это наличие/отсутствие **контакта** между говорящим и адресатом во времени и пространстве: при письменном дискурсе такого контакта типично нет (поэтому люди и прибегают к письму). В результате при устном дискурсе имеет место **вовлеченность** (involvement) говорящего и адресата в ситуацию, что отражается в употреблении местоимений 1 и 2 лица, в указаниях на мыслительные процессы и эмоции говорящего и адресата, в использовании жестов и других невербальных средств и т.д. При письменном же дискурсе, напротив, происходит **отстраненность** (detachment) говорящего и адресата от описываемой в дискурсе информации, что, в частности, выражается в более частом употреблении пассивного залога. Например, при описании научного эксперимента автор статьи скорее напишет фразу *Это явление наблюдалось только один раз*, а при устном описании того же эксперимента с большей вероятностью может сказать *Я наблюдал это явление только один раз*. В корпусе Чейфа частоты пассивных конструкций (на тысячу слов) составили для устного и письменного дискурса 5 и 25,4 соответственно, а частоты местоимений 1-го лица, напротив, 61,5 и 4,6 соответственно. Количественные характеристики таких различий приведены в Таблице 2.

Таблица 2

**Проявления оппозиции вовлеченность vs. отстраненность, согласно [Chafe 1982]
(встречаемость на тысячу слов)**

	Пассив	1-е лицо	Маркеры ментальных процессов говорящего	Маркеры отслеживания информационного потока	Эмфатические частицы
Устная речь: вовлеченность	5	61,5	7,5	23,6	12,6
Письмо: отстраненность	25,4	4,6	0	0	0,4

Следует отметить, что в работе [Chafe 1982] автор сравнивает два корпуса дискурсов, которые различаются не только с точки зрения модуса (устный/письменный), но

и по другим параметрам – жанру, регистру и формальности (см. ниже). Для максимальной контрастности Чейф использует формальный письменный дискурс (научную прозу) и неформальный устный дискурс (бытовой диалог). Так как различия по модусу и другим параметрам «склеены» в работе Чейфа, то нет уверенности, что полученные им результаты связаны именно с различием по модусу. Для большей чистоты результатов, если мы хотим определить именно влияние модуса на форму дискурса, следует использовать дискурсы, различающиеся ровно по этому параметру, см раздел 8.

Вопрос о том, является ли письменный язык отдельной системой или представляет собой «настройку» языка на другой канал сообщения, может быть изучен на материале младописьменных языков. Действительно, языки с длительной письменной традицией, такие как английский или русский, имели возможность выработать частично автономную подсистему, используемую при письме. Если это так, то учащиеся писать дети должны фактически изучать новую языковую систему по сравнению с устным языком, которым они уже владеют.

Исследование, специально направленное на вопрос о том, как устроен письменный дискурс на младописьменном языке, было проведено на материале языка навахо (Юго-запад США, атабаскская языковая семья). Один и тот же рассказ был записан от одной и той же рассказчицы в устной и в письменной форме. Первоначально был записан устный вариант, затем он был затранскрибирован и переведен. Через некоторое время рассказчица, обладающая полной грамотностью на родном языке (достаточно редкое явление среди индейцев навахо), написала тот же самый рассказ. После этого можно было сравнить два варианта, различающиеся только модусом. Все остальные переменные – жанр, регистр, автор и даже содержание – были зафиксированы. Результаты сопоставления оказались следующие:

- письменный вариант содержит в полтора раза меньше предикаций, чем устный;
- предложения письменного варианта длиннее, чем в устном варианте: 2,2 предикации в среднем против 1,9;
- предикации письменного дискурса содержат существенно больше именных групп (ИГ), предикации устного дискурса содержат существенно больше частиц (см. Таблицу 3);
- в письменном дискурсе существенно чаще встречаются многие типы зависимых предикаций (см. Таблицу 4).

Таблица 3

**Частоты типов слов в устном и письменном вариантах рассказа
(количество употреблений, в среднем приходящееся на сто предикаций)**

	ИМЕННЫЕ ГРУППЫ	ЧАСТИЦЫ						
		Указат.	Неопред.	Коннекторы	Эпистем.	Восклицат.	Идеофоны	В целом
Устный	31	11	4	44	31	1	2	204
Письменный	46	4	2	28	11	0	0	143

Таблица 4

**Частоты морфосинтаксических явлений в устном и письменном вариантах рассказа
(количество употреблений, в среднем приходящееся на сто предикаций)**

	Дополнительные придаточные	Относительные придаточные	Зависимая предикация после главной
Устный	2	2	4
Письменный	5	7	1

Ср. следующие два отрывка из устного (1а) и письменного (б) вариантов, передающие одно и то же пропозициональное содержание:

(1)

а. 'éí shíí ch'ééh kónjiil'íih
то вероятно понапрасну она.толкала.его
'Она [=орлица] толкала его [=яйцо] понапрасну'

б. 'áádóó 'atsáh-áa 'ayëezhii t'óó si'án-ëë ch'ééh yéédilch'i'
потом орлица-эта яйцо просто оно.лежит-Рел понапрасну она.трогала.его
'Потом эта орлица понапрасну трогала яйцо, которое лежало без движения'

Особые элементы, которые есть в устном варианте (1а), – это указательное местоимение и эпистемическая частица. Явления, имеющиеся в письменном варианте, но отсутствующие в устном, – это эксплицитные ИГ, указывающие на актанты (в противоположность анафорической доступности, имеющей место в устном варианте), использование относительного придаточного, входящего как актант в главную предикацию.

Очевидно, мы наблюдаем, что младописьменный язык, который не мог «успеть» выработать специальные конвенции для письменного модуса, немедленно развивает те же особенности, что и языки с длительной письменной традицией. Это более сложный синтаксис, использование более тяжелых предикаций, большее количество зависимых предикаций, и, с другой стороны, исчезновение различных прагматических маркеров – дейктических, эпистемических и т.д. Следовательно, письменный модус является в первую очередь результатом аккомодации немаркированного устного языка к специфике письменной ситуации использования. Это не значит, конечно, что язык с длительной письменной традицией не может на протяжении столетий вырабатывать какие-то конвенции, которые резко отличают его от устного языка. Но конвенции эти наверняка не случайны: они первоначально возникают под влиянием особенностей режима передачи сообщения, создаваемого письмом. Семена всех явлений, наблюдаемых в письменном дискурсе, присутствуют в устной речи, но часто лишь в зачаточном виде.

Несколько тысячелетий назад письменная форма языка возникла как способ преодолеть расстояние между говорящим и адресатом – расстояние как пространственное, так и временное. Такое преодоление стало возможно лишь при помощи особого технологического изобретения – создания физического носителя информации: глиняной дощечки, папируса, специально обработанной бересты и т.д. Дальнейшее развитие технологии привело к появлению более сложного репертуара форм языка и дискурса – таких, как печатный дискурс, телеграмма, телефонный разговор, радиопередача, общение при помощи пейджера и автоответчика, наконец, переписка по электронной почте. Все эти разновидности дискурса – **субмодусы** – выделяются на основе типа носителя информации и имеют свои особенности. Один из таких субмодусов в последнее время приобрел экстраординарную роль и иногда рассматривается как особый модус, наравне с устным и письменным. Это **электронный** модус. Общение по электронной почте представляет особый интерес как феномен, возникший 15–20 лет назад, получивший за это время огромное распространение и представляющий собой нечто среднее между устным и письменным дискурсом. Подобно письменному дискурсу, электронный модус использует графический способ фиксации информации, но подобно устному дискурсу он отличается мимолетностью и неформальностью. Еще более чистым примером соединения особенностей устного и письменного дискурса является общение в режиме Talk (или Chat), при котором собеседники «разговаривают» через компьютер: на одной половине экрана участник диалога пишет свой текст, а на другой половине может видеть побуквенно появляющийся текст своего собеседника. Исследование особенностей электронной коммуникации является одной из активных областей современного дискурсивного анализа (см., напр. [Baron 2000]).

4. ЖАНР

Ортогональным по отношению к модусу является различие по **жанру** – так, возможен как устный, так и письменный рассказ. После знаменитой работы М.М. Бахтина (1953) понятие жанра применяется не только к формам литературных текстов, но и к формам любых текстов и дискурсов. Бахтин отметил, что знание жанров дискурса – важный компонент языковой компетенции человека: «Мы говорим разнообразными жанрами, не подозревая об их существовании <...> Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык <...> Научиться говорить – значит научиться строить высказывания <...> Если бы речевых жанров не существовало <...> речевое общение было бы почти невозможно» [Бахтин 1986: 448–449]. В настоящее время понятие жанра используется в дискурсивном анализе достаточно широко. Обсуждение проблематики жанров в лингвистической литературе часто носит перечислительный характер. Так, в работе [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 12] был приведен следующий список жанров устной речи: 1) интервью 2) дискуссия, тематический разговор 3) разговор 4) доклад 5) репортаж 6) рассказ. (Впрочем, авторы не употребляют термин «жанр», а говорят о «видах» устной речи.) Очевидно, что этот список неполон и в него не входят такие жанры, как проповедь, политическое выступление, тост, присяга и т.д. Вообще проблематика жанров – самый неизученный вопрос в дискурсивном анализе. Консенсуса в отношении принципов выделения жанров пока, по-видимому, нет. Можно говорить о нескольких альтернативных способах выделения жанров.

Первый из таких способов можно назвать **экстралингвистическим**. Он был предложен одним из наиболее известных современных специалистов по жанру – британско-американским лингвистом Дж. Суэйлсом. По определению Суэйлса [Swales 1990] жанры – это принадлежность дискурсивных сообществ. По выражению Суэйлса, сообщества *владеют* жанрами. Дискурсы одного жанра имеют общий набор коммуникативных целей, признаваемых дискурсивным сообществом. Действительно, знание таких жанров, как научный доклад или научная статья, является необходимым условием создания дискурса соответствующего жанра. Научиться создавать дискурс определенного жанра – значит войти в соответствующее дискурсивное сообщество. Такое экстралингвистическое определение жанра, по-видимому, правильно отражает суть дела. Проблема, однако, состоит в том, что оно плохо формализуемо и ничего не дает для понимания языковой природы жанра.

С лингвистической точки зрения, центральный вопрос теории жанров состоит в том, можно ли определить тот или иной жанр в терминах языковой структуры. О некоторых жанрах известно, что они обладают достаточно устойчивыми характеристиками. Существует два основных типа таких характеристик, которые лингвисты пытаются использовать для определения жанров. Во-первых, это композиция, или **жанровая схема**. Подход, основанный на понятии жанровой схемы, можно назвать **структурным**. Жанровая схема, соответствующая жанру X, – это последовательность компонентов, которые присутствуют в дискурсе жанра X. Например, жанровая схема рассказа, согласно очень известному исследованию [Labov 1972], состоит из шести компонентов: резюме – ориентация – усложняющееся действие – оценка – результат/развязка – кода. У. Чейф [Chafe 1994] предложил чуть более простую схему рассказа из пяти компонентов: ориентация – завязка – кульминация – развязка – кода. Существует много частных исследований жанровых схем, иногда очень конкретных. Так, в исследовании [Kong 1998] были показаны мелкие, но культурно значимые различия между схемами делового письма (на английском языке), используемыми разными группами бизнесменов Гонконга британского и китайского происхождения. Коротко говоря, британцы с самого начала формулируют деловое предложение, а у китайцев этот пункт запрятан в глубину письма и следует за изложением истории вопроса и другой фоновой информацией. С лингвистической точки зрения, проблема с такого рода определениями жанров состоит в том, что остается непонятным: как на основе

жанровой схемы сделать какие-либо предсказания относительно языковой формы дискурса, представляющего данный жанр. Поэтому жанровые схемы являются важным научным обобщением, но между ними и языковой структурой не хватает некоего соединяющего звена. Вопрос о том, что может быть таким соединяющим звеном, рассматривается ниже.

Другой подход к лингвистической идентификации жанров, иногда использовавшийся лингвистами, основан на формальных – **лексико-грамматических** – характеристиках соответствующих дискурсов. Известно, например, что жанр рассказа обладает некоторыми языковыми особенностями: рассказ содержит каркас из упорядоченных во времени событий, которые описываются однотипными грамматическими формами (например, глаголами в прошедшем времени) и соединяются связующими элементами (типа коннектора *потом*). Американский лингвист Д. Байбер задался вопросом: можно ли приписать жанрам как культурным концептам устойчивые языковые характеристики? В масштабном исследовании [Biber 1989] он описал жанрово разнообразный корпус, содержащий 481 текст, при помощи 67 эмпирически наблюдаемых и количественно измеримых морфосинтаксических и лексических параметров – таких, как использование форм прошедшего времени, использование причастий, использование личных местоимений и т.п. Эти параметры были затем объединены в 5 групп сходно варьирующих признаков. В таком 5-мерном пространстве все тексты объединились в 8 кластеров, которые Байбер назвал «типами текстов». Оказалось, что эти типы текстов достаточно ограниченно коррелируют с жанрами как с культурно отождествляемыми концептами. Например, большинство текстов, отнесенных к жанру «личный телефонный разговор», попали в тот тип текста (один из восьми), который Байбер обозначил как «близкое межличностное взаимодействие». Но это большинство составляет всего лишь 62%, т.е. степень корреляции невысока. Основной вывод Байбера относительно языковых характеристик жанров носит отрицательный характер: фактически жанры оказываются лингвистически нерелевантной классификацией. В чем же состоит причина лексико-грамматической неоднородности жанров?

По всей видимости, причина отрицательного результата Байбера состоит в следующем. Устойчивыми морфосинтаксическими и лексическими характеристиками обладают не целые дискурсы, а **типы изложения**, или **типы пассажей**, т.е. фрагменты дискурса. Обычно (см. например [Longacre 1992; Graesser, Goodman 1985]) выделяются следующие типы пассажей:

- *повествовательный (нарративный)*;
- *описательный (дескриптивный)*;
- *объяснительный (экспозиторный)*;
- *инструктивный*;
- *убеждающий (аргументативный)*.

Эта классификация является предварительной и требует дальнейшего изучения, но годится как рабочий вариант. О некоторых из этих типов пассажей известно, что они имеют типичные языковые характеристики. Так, повествование требует сказуемых в виде динамических глаголов совершенного вида в прошедшем времени, включает большое число местоимений 3-го лица; описание содержит много именных и стативных предикаций; объяснительное изложение включает большое число маркеров обобщения – кванторы общности, родовые ИГ, стативные глаголы; инструктивные пассажи обязательно включают императивы; наконец, убеждение включает маркеры необходимости и других модальных значений.

Дискурс каждого жанра является неоднородным с точки зрения встречающихся в нем типов пассажей. Рассмотрим в качестве примера начало рассказа А. Аверченко «Мужчины».

(2)

Кто жил в меблированных комнатах средней руки, тот хорошо знает, что при-слуга никогда не имеет привычки доклады-вать предварительно о посетителях. Как бы ни был неприятен гость или гостья, простодушная прислуга никогда не спросит вас: расположены ли вы к приему этих людей.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПАССАЖ:
показатели обобщения

Однажды вечером я *был* дома, в своей одинокой комнате, и *занимался* тем, что *лежал* на диване, стараясь делать как можно меньше движений. Я человек *прилежный*, *энергичный*, и это занятие меня *нисколько не утомляло*.

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ ПАССАЖ:
стативные предикаты

По пустому коридору **раздались** гул-кие шаги, шелест женских юбок, и чья-то рука неожиданно громко **постучала** в мою дверь.

Машинально я **сказал**:

– Войдите!

Это была немолодая женщина, скром-но одетая, с траурным крепом на шляпе.

Я **вскочил** с дивана, **сделал** по направ-лению к посетительнице три шага и удивленно **спросил**:

– Чем могу быть вам полезным?

Она внимательно **всмотрелась** в мое лицо.

– Вот он какой... – **пробормотала** она.

– Таким я его себе почему-то и представ-ляла. Красив. Красив даже до сих пор. Хотя прошло уже около шести лет.

– Я вас не знаю, сударыня, – удивленно **сказал** я.

Она печально **улыбнулась**.

– И я вас, сударь, тоже не знаю. А вот привелось встретиться. И придется вести еще длинный разговор.

– Садитесь, пожалуйста. Я очень удив-лен. Кто вы?

Дама в трауре **поднялась** со стула, на который только что опустилась, и, держась за его спинку, с грустной торжественностью **сказала**: <...>

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ПАССАЖ:
динамические предикаты в
форме прош. времени сов. вида

Как показывает этот пример, пассажи действительно характеризуются лексико-грамматической гомогенностью. Однако из этого следует тот факт, что жанры, на-против, не могут обладать такой гомогенностью. Как было отмечено, дискурс опреде-ленного жанра содержит разные типы пассажей и, следовательно, лексико-граммати-ческие модели в нем «перемешаны». Этим, в первую очередь, и объясняется отрица-тельный результат исследования Байбера.

Лингвистическое определение жанров, а в перспективе и классификация жанров, вероятно, должны строиться на основе первоначального детального исследования типов пассажей. В работе [Kibrik 2002] была сделана попытка определить некоторые типы пассажей на основе риторических отношений [Mann, Thompson 1988]. Так, повествовательный пассаж обязательно должен иметь отношение «последовательность» в верхнем ярусе своей риторической структуры.

Таким образом, жанровые схемы можно рассматривать как конфигурации типов пассажей. Тогда, возможно, и жанры в целом могут получить лингвистическое определение. Надо, однако, иметь в виду, что исчерпывающее исследование жанров дискурса – это очень отдаленная перспектива. Единственная, насколько мне известно, исчисляющая классификация типов изложения и, отчасти, жанров была предложена Р. Лонгаком в книге [Longacre 1983].

5. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ

Независимым от модуса и жанра является третье противопоставление – по **функциональному стилю** (ф-стилю). Ф-стили определяются на основе сфер человеческой деятельности. Одна из популярных классификаций ф-стилей представлена в книге [Солганик 2003]:

- бытовой;
- научный;
- официальный;
- публицистический;
- художественный.

Эта классификация очевидно неполна, и нетрудно назвать целый ряд ф-стилей, не вписывающихся в данный перечень, например, юридический, политический, коммерческий, криминальный, религиозный... Представляется, однако, что типовые ф-стили являются вполне реальными, т.е. можно выделить некий прототип дискурсов научного характера. Но при этом нельзя не признать, что это именно прототип, а не инвариант. Ф-стили весьма вариативны, помимо стилей существуют субстили, и, в конечном счете стилистически может быть охарактеризована отдельная личность («Человек – это стиль») и даже отдельный образец дискурса.

Ф-стили часто смешиваются с жанрами, но это совершенно разные явления. Один и тот же жанр может быть представлен в разных ф-стилях, например рассказ может быть художественным, публицистическим, бытовым и т.д. И наоборот, один и тот же ф-стиль может быть представлен в разных жанрах – например, научный ф-стиль характерен для статьи, доклада, хроники конференции и т.д. Кроме того, ф-стили, в отличие от жанров, не обладают жесткими схемами, они легче поддаются смешению – ср. распространенное внедрение элементов криминального ф-стиля в бытовой, публицистический, даже официальный (*мочить в сортире*) дискурс.

Широко известно, что ф-стили характеризуются лексическими особенностями – это отражается даже в пометах, используемых в словарях. Наиболее очевидные классы лексических единиц, чувствительных к ф-стилю, – это жаргонизмы и термины. Однако следует заметить, что ф-стили могут обладать и грамматическими характеристиками – например, официальный и научный ф-стили отличаются склонностью к номинализациям. Именно это обыгрывается Г. Остером в его иронических детских книгах: например, в книге «Визгкультура», представляющей собой пародию на сборник физкультурных упражнений, на одном развороте встречаются заголовки «Дача сдачи», «Унос из-под носа» и «Вздрагивания от неожиданности». Комический эффект возникает в результате того, что автор образует канцелярские или наукообразные номинализации от фразеологизмов, относящихся совсем к другому ф-стилю – бытовому.

Вообще игра с ф-стилями – неисчерпаемый ресурс для юмора и иронии. Ср.:

(3)

– Атмосферные явления в последнее время были несколько неблагоприятными, – сказала Сова.

– Что, что?

– Дождик был, – пояснила Сова.

– Да, сказал Кристофер Робин, – был.

– Уровень паводка достиг небывалой высоты.

– Кто?

– Я говорю – воды кругом много, – пояснила Сова.

– Да, – согласился Кристофер Робин, – очень много.

– Однако перспективы быстро улучшаются. Прогноз показывает...

(А.А. Милн. Винни-Пух и все-все-все. Пересказ Б. Заходера. М., 1989: 112.)

В этом примере комический эффект основан на том факте, что один из участников диалога (Сова) пытается неуместно навязать собеседнику (квази)научный ф-стиль, признаками которого являются многочисленные термины, сложный синтаксис, номинализации. Собеседник же (Кристофер Робин) категорически отказывается этот ф-стиль понимать, и в результате Сове приходится «переводить» каждое свое высказывание на бытовой ф-стиль.

Ф-стилям посвящена очень большая литература, обозреть которую здесь не представляется возможным; своеобразный критический обзор истории отечественной функциональной стилистики см. в работе [Долинин 2004].

6. ФОРМАЛЬНОСТЬ

По-видимому, отдельным от ф-стиля является градуальное противопоставление по формальности. Формальность – еще один таксономический параметр, противопоставляющий целые дискурсы. Различие по формальности основано на характере социальных отношений между говорящим и адресатом. Это противопоставление, которое С.В. Кодзасов назвал «свой/чужой» [Кодзасов 2002]. Соответствующий класс явлений граничит с тем, что часто изучается под рубрикой «принцип вежливости» или «категория вежливости» [Brown, Levinson 1987; Scollon, Scollon 2001; Бергельсон 2005]. Пример языкового явления, реализующего различия по формальности, – это фонетическая редукция. Как известно, высокая степень редукции возможна лишь при неформальных, свойских отношениях между говорящим и адресатом. Другой пример – это ритуальные выражения. Существуют такие формы письменного прощания, как *с наилучшими пожеланиями, всего хорошего, счастливо, целую*. В этом списке они расположены по убыванию формальности и, наоборот, нарастанию свойскости.

Различие по формальности не совпадает с различием по ф-стилю. Так, мы можем общаться с незнакомыми людьми в бытовом ф-стиле, но при этом очень формально. И напротив, научный ф-стиль может сочетаться с очень неформальным характером, например, в постоянно действующем научном семинаре.

7. АССОЦИИЦИИ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ СПОСОБАМИ КЛАССИФИКАЦИИ ДИСКУРСОВ

Все четыре основания, по которым могут классифицироваться целые дискурсы, являются независимыми друг от друга. Они независимы, поскольку:

- с логической точки зрения определяются независимо;
- пересекают друг друга;
- имеют разные рефлексy в виде комплексов типичных языковых характеристик.

Последнее утверждение верно в общем случае. Однако некоторым из типов, выделяемых по этим трем параметрам, соответствуют сходные комплексы языковых ха-

рактических. Выше обсуждались типичные лексико-грамматические характеристики письменного модуса, обобщенные У. Чейфом при помощи понятий «интеграция» и «отстраненность». Тот же или очень близкий набор характеристик типичен для некоторых ф-стилей – особенно официального и научного. Когда письменный модус соединяется с одним из этих ф-стилей, возникает «эффект резонанса» – рельефность и частотность соответствующих характеристик удваиваются. Это явление хорошо иллюстрируется количественными данными из работы [Сиротинина и др. 2003: 5 и сл.]. В Таблице 5 приведены частоты прилагательных, существительных, субстантивных местоимений и частиц в четырех выборках дискурсов: устная разговорная (= бытовая) речь (УРР), письменная разговорная речь (ПРР), устная научная речь (УНР) и письменная научная речь (ПНР). Высокая встречаемость прилагательных и существительных – это признаки, относящиеся к кластеру характеристик письменного модуса и научного ф-стиля, а частотность местоимений и частиц – к кластеру характеристик устного модуса и бытового ф-стиля. Если двигаться от УРР и заменить один из признаков (либо модус, либо ф-стиль), мы получаем сопоставимые количественные эффекты – см. сравнительно близкие значения для ПРР и УНР. Это как раз и показывает, что признаки «модус» и «ф-стиль» в данном случае реализуются сходным образом. А если мы отходим от исходной точки по обоим признакам, то получаем усиленный эффект – ср. количественные показатели для ПНР, максимально контрастно отличающиеся от УРР.

Таблица 5

Проявления интеграции и отстраненности в четырех классах дискурсов, согласно [Сиротинина и др. 2003]²

	Прилагательные	Существительные	Субстантивные местоимения	Частицы
Устная разговорная речь (УРР)	39	142	118	131
Письменная разговорная речь (ПРР)	62	213	90	78
Устная научная речь (УНР)	114	295	37	78
Письменная научная речь (ПНР)	152	374	17	27

Таким образом, по частотам всех классов слов мы видим, что влияние модуса и ф-стиля однотипно. При этом ф-стиль на самом деле действует сильнее, чем модус. В двух оппозициях «устный vs. письменный модус» и «бытовой vs. научный ф-стиль» левые и правые члены попарно ассоциированы.

В работе [Сиротинина и др. 2003: 179] содержатся количественные данные о сравнительной синтаксической сложности устной и письменной речи, причем устная речь разграничивается на разговорную и научную. Авторы высчитывают коэффициент сложности, который представляет собой отношение количества сложных предложений к общему числу предложений в подкорпусе. Для ПНР, УНР и УРР коэффициенты получились 0,49, 0,39 и 0,26. Очевидно, и здесь фактор «научный ф-стиль» действует так же, как фактор «письмо».

² Сравнивать приведенные числа можно только относительно друг друга, так как точный смысл этих частот в цитируемой работе не указан (возможно, это количество употреблений на 1 000 словоупотреблений в тексте?). Общий объем всех исследованных корпусов – 152 000 словоупотреблений, но как это количество разбивается по подкорпусам, в работе не сообщается.

Эффекты, связанные с усиленным проявлением характеристик письменного модуса в письменном научном дискурсе, замечены на материале не только русского, но и английского языка – это отмечалось выше в связи со статьей [Chafe 1982] об английском языке. Однако степень такого усиленного проявления может быть различной. Об этом свидетельствует исследование Дж. Николс [Nichols 1988], которое стало побочным продуктом ее работы по переводу с русского на английский труда [Гамкрелидзе, Иванов 1984]. Николс, в частности, отметила крайне высокую, по английским стандартам, плотность номинализаций в русском письменном научном тексте. Она приводит следующий типичный пример предложения из русского оригинала:

- (4) [Объяснение [фонемных соответствий между языками] [формальной общностью их происхождения из [определенной исходной языковой системы]]] предполагает [необходимость реконструкции ее [с целью изучения возникновения и путей преобразования [исторически засвидетельствованных родственных языковых систем]]]. [Гамкрелидзе, Иванов Вяч. 1984: lxxx].

В примере подчеркнуты случаи номинализаций, а в квадратные скобки заключены некоторые примеры тяжелых ИГ, насчитывающих от 4 до 15 слов. Дж. Николс приводит буквальный и свободный переводы этого предложения [Nichols 1988: 403]:

- (5)
- a. Буквальный перевод
(An) explanation of phoneme correspondences between languages by means of (the) commonality of their descent from an original linguistic system assumes (the) necessity of (a) reconstruction of it [the original system] with the goal of (a) study of the rise and paths of transformation of historically attested cognate linguistic systems.
 - б. Свободный перевод
If phonemic correspondences between languages are to be explained as due to a common descent from an original system, then that system must be reconstructed in order that the origin of the attested cognate languages and the changes undergone by them may be studied.

Буквальный перевод в (5а) совершенно невозможен, с точки зрения носителя английского языка. В предпочтительном свободном переводе вместо 8 номинализаций исходного предложения Дж. Николс предлагает вариант, содержащий лишь 3 номинализации. При этом, естественно, увеличивается количество финитных глаголов и уменьшается число и объем именных групп. Представляется, что в описании Николс несколько преувеличена разница между грамматическими системами русского и английского языков, приводящая к такому контрасту. Дело тут скорее в «стиле письма», который тесно связан с культурными и социальными условиями. Впрочем, сама Николс отмечает, что «русский текст – это не столько коммуникативный контракт между пишущим и читающим, сколько утверждение об объективной истине или положении дел» [Nichols 1988: 402]. При изменении установки такого рода наверняка сразу меняются и грамматические характеристики текста.

8. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОДУСОВ: ПРИМЕР КОНТРОЛИРУЕМОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ

Сказанное отнюдь не означает, что различные способы классификации дискурсов следует смешивать между собой. Вовсе напротив, факт ассоциации и сходного выражения отдельных признаков классов дискурса обязывает исследователей стараться максимально изолировать переменные. Исследование [Chafe 1982], цитировавшееся выше, в этом смысле склеивает два признака – модус и ф-стиль: У. Чейф использовал два максимально контрастных класса дискурсов – бытовые диалоги и научные статьи.

Если хотеть более точно установить лексико-грамматические эффекты различия по модусу, необходимо, чтобы два исследуемые класса дискурсов различались ровно по этому признаку.

Автор настоящей статьи провел пилотное исследование такого типа на основании корпуса рассказов, собранных несколько лет назад студенткой ОТиПЛА филологического факультета МГУ Е. Чувилиной. Она просила своих знакомых рассказывать истории из жизни, эти истории записывались на пленку и потом расшифровывались. Через некоторое время тех же людей попросили написать эти истории. Так образовался корпус рассказов, каждый из которых был представлен в двух вариантах – устном и письменном. В каждой паре рассказов совпадает все, кроме модуса.

Приведу два коротких примера из одной пары рассказов. Автор рассказывает о том, как, будучи студентом в советские времена, он предпринял первую попытку заняться коммерцией. Работая в летнем студенческом отряде проводником на железной дороге, он принялся предлагать пассажирам вагона водку и кубинский ром. Таким образом он компенсировал своим пассажирам советский дефицит спиртного. Эта деятельность, разумеется, была уголовно наказуема, поскольку вся торговля была монополией государства.

Вот фрагмент из письменного рассказа:

- (6) Торговал я недолго, надо сказать. Сразу вслед за первым покупателем в вагон вошли сотрудники линейного отделения милиции <...>

А вот как выглядит соответствующий фрагмент устного рассказа:

- (7) довольно быстро
ээ вместе с ээ буквально эээ первым покупателем
в вагон ввалилась милиция

Еще одна иллюстрация из письменного текста:

- (8) Также было взято пять бутылок вещдока и одна банка консервированного зеленого горошка <...>

В устном варианте:

- (9) в вагоне был собран весь тот ром который оставался
по-моему бутылок пять
ээ также велено было вещественно уничтожить то что могло считаться закуской
это была банка зеленого горошка
вот,

Содержание фрагментов в каждой паре одинаково, но они отличаются друг от друга во многих отношениях. В устном дискурсе мы наблюдаем порождение речи в виде квантов, просодических единиц, которые совпадают с предикациями в прототипическом случае, но не всегда. Просодическая группа может быть меньше предикации – так, в примере (7) одна предикация разбита на три просодические группы. Некоторые просодические группы больше предикации – ср. первую строку в примере (9). В письменном варианте дискурс также состоит из предикаций, но эти предикации значительно сложнее по своей структуре. Они включают большее число слов, в том числе больше предикатных слов – это означает, что в одну предикацию в письменном дискурсе упаковывается больше пропозициональной информации. В результате общее число предикаций в письменном дискурсе заметно меньше. Меньше и число предложений, в то время как среднее предложение заметно сложнее по своей внутренней структуре.

Сопоставление двух идентичных по содержанию фрагментов устного и письменного рассказов позволило сделать следующие количественные выводы:

Таблица 6

Сопоставительные частоты языковых явлений в устных и письменных русских рассказах

	Устный дискурс	Письменный дискурс
Среднее число слов на предикацию	6,9	9,4
Среднее число предикатных слов на предикацию	1,2	1,7
Число предикаций (финитных и деепричастных)	45	27
Число предложений	18	9

Далее, для письменного дискурса характерны тяжелые ИГ, состоящие из большого числа слов (*сотрудники линейного отделения милиции, одна банка консервированного зеленого горошка*) – ср. значительно более простые ИГ в устном рассказе (*милиция, банка зеленого горошка*). Кроме того, в письменном дискурсе значительно чаще встречается сочинение ИГ, ср. пример (8).

С точки зрения лексического состава, в устном дискурсе часто встречаются дискурсивные маркеры типа *вот* (см. последнюю строку в примере (9)), которые полностью отсутствуют в письменных рассказах. Далее, устные и письменные рассказы различаются с точки зрения параметра, который можно назвать «авторитетность изложения»: для письменного варианта характерны маркеры точности (*сразу, пять бутылок, одна банка*), для устного, напротив, маркеры приблизительности (*довольно быстро, по-моему бутылок пять*). В этой связи можно упомянуть идею, высказанную в работе [Norrick 2003], о том, что использование указаний на забывание, неуверенность (а затем внезапное прояснение памяти) не подрывает достоверность рассказа, а наоборот придает ему аутентичность. Рассказчики вызывают образы из прошлого и включают в рассказ комментарии о ясности этих образов. Благодаря таким комментариям рассказ производит впечатление подлинности.

Между устными и письменными рассказами есть также лексические и грамматические различия, которые обычно связываются не с противопоставлением по модусу, а с противопоставлением ф-стилей. Так, в устном варианте используются «разговорные» слова и выражения, типичные для бытового ф-стиля (*закусь, ввалиться*), «разговорные» конструкции (*весь тот ром, вместе с буквально...*). Напротив, в письменном варианте употребляется много канцелярских выражений и конструкций, характерных для официального ф-стиля: термины (*линейный отряд милиции, вещдок*), служебные слова (*вслед за*). Такое употребление, очевидно, является ироническим, но это не отменяет сам факт: в письменном дискурсе говорящий склонен смещаться от бытового к официальному ф-стилю. Сама ситуация письма индуцирует некоторый сдвиг ф-стиля. Напротив, устный модус ассоциируется с бытовым ф-стилем. Так, в устных реализациях научного ф-стиля (докладе, лекции) выше вероятность встретить признаки бытового ф-стиля, чем в письменных (статье, монографии).

Таким образом, между противопоставлением по модусу и противопоставлением ф-стилей есть некоторые вторичные связи: устный модус ассоциирован с одними ф-стилями, письменный с другими. Тем не менее, два эти противопоставления фундаментально различны и им в общем случае соответствуют разные наборы лексико-грамматических характеристик.

9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, для понимания разнообразия дискурса необходимо учитывать не менее четырех параметров – модус, жанр, функциональный стиль и формальность. Все они независимы друг от друга и дают невероятно сложную комбинаторику различных возможностей. Различные типы дискурсов, выделяемых на разных основаниях, в западной лингвистике иногда именуются регистрами (register; см., например, [Biber 1989]). Представляется, что комбинаторика типов дискурса должна быть подробно исследована, с этим в значительной мере и связан дальнейший прогресс дискурсивного анализа как научной дисциплины. Такое исследование имеет по крайней мере три аспекта. Во-первых, важно исследовать дискурсивное разнообразие как таковое. Изучение разнообразия и его классификация – необходимый компонент научного анализа той или иной предметной области. Прогресс биологии был бы невозможен без порядка, наведенного в классификации живых организмов К. Линнеем.

Во-вторых, только через призму значимых классификационных признаков, различающих типы дискурса, можно объяснить все богатство лексических и грамматических выборов, производимых говорящим или пишущим человеком (а в случае устной речи – также особенности сегментной фонетики и просодии). Как было показано выше, такие выборы очень часто зависят от модуса, жанра и типа изложения, ф-стиля и степени формальности. Только перемножение всех этих переменных может объяснить фактическое разнообразие «локальных» языковых явлений, наблюдаемых в естественном дискурсе.

В-третьих, с классификацией дискурсов связана задача построения общей теории дискурса. Типы дискурса настолько разнообразны, что все существующие на сегодняшний день модели дискурса обычно хорошо применимы лишь к какому-то из этих типов (устному или письменному, конкретному жанру и т.д.). Практически все актуальные проблемы дискурсивного анализа решаются по-разному для разных типов дискурса. Никакой универсальной теории дискурса пока не существует, дискурсивный анализ является крайне мозаичной дисциплиной. Это положение дел в будущем может быть изменено лишь при условии создания адекватной и всеобъемлющей классификации типов дискурсов.

Вполне вероятно, что некоторые важные параметры классификации дискурсов выше не были упомянуты. В работах [Золотова и др. 1998; Златоустова 2006; Кривнова 2006] приводятся факты разнообразия дискурса, которые не могут быть полностью охвачены классификационными параметрами, рассмотренными здесь. Заслуживает специального обсуждения вопрос о том, как с этими параметрами соотносится оппозиция так называемых речевого и нарративного режимов [Бенвенист 1974; Падучева 1996]. Наконец, выше почти не затрагивался вопрос о типах художественного дискурса – вопрос, которому, конечно, было посвящено гораздо больше внимания филологов, чем прочему дискурсивному разнообразию. В терминах, предложенных в данной статье, проблематика типов художественного дискурса находится на пересечении двух таксономий: по ф-стилю (художественный стиль) и по жанрам (набор жанров, встречающихся в художественной литературе). Тем самым, с логической точки зрения проблематика литературоведения оказывается частью более широкой области – дискурсивного анализа.

В завершение хочется выразить надежду, что набор важнейших параметров классификации дискурсов в будущем будет установлен с достаточной степенью точности и соответствующий раздел дискурсивного анализа получит необходимое развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин 1953/1986 – М.М. Бахтин. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Литературно-критические статьи. М., 1986.

- Бенвенист 1974 – Э. Бенвенист. Отношения времени во французском глаголе // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бергельсон 2005 – М.Б. Бергельсон. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2005.
- Выготский 1934 – Л.С. Выготский. Мышление и речь. М., 1934.
- Гамкрелидзе, Иванов Вяч. 1984 – Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Долинин 2004 – К.А. Долинин. Социалистический реализм в лингвистике (к истории функциональной стилистики в СССР) // Теоретические проблемы языкознания: К 140-летию кафедры общего языкознания С.-Петербургского гос. ун-та. СПб., 2004.
- Земская, Китайгородская, Ширяев 1981 – Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Златоустова 2005 – Л.В. Златоустова. Изменение моделей русского фонетического слова в квазиспонтанных текстах ораторского функционального стиля // Труды междунар. конф. «Функциональные стили звучащей речи». М., 2005.
- Золотова и др. 1998 – Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Кибрик 2003 – А.А. Кибрик. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2003.
- Кибрик 2008 – А.А. Кибрик. Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере караево-балкарского языка) // В.А. Плунгян, В.Ю. Гусев, А.Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М., 2008.
- Кибрик, Подлеская 2006 – А.А. Кибрик, В. И. Подлеская. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // В.Д. Соловьев (ред.). Когнитивные исследования: Сб. науч. тр. Вып. 1. М., 2006.
- Кодзасов 2002 – С.В. Кодзасов. Категория «свой/чужой»: семантика и фонетика // Проблемы семантического анализа лексики. Тезисы докл. междунар. конф. М., 2002.
- Кривнова 2005 – О.Ф. Кривнова. Научная речь как объект и материал фонетического исследования // Труды междунар. конф. «Функциональные стили звучащей речи». М., 2005.
- Лаптева 1976 – О.А. Лаптева. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. М., 1996.
- Плунгян 2008 – В.А. Плунгян. Предисловие: дискурс и грамматика // В.А. Плунгян, В.Ю. Гусев, А.Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М., 2008.
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. М., 1980.
- Сиротинина и др. 2003 – О.Б. Сиротинина, Э.А. Столярова, Н.И. Кузнецова, М.А. Кормилицына, В.А. Богданова, Э.М. Ножкина. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. М., 2003.
- Солганик 2003 – Г.Я. Солганик. Стилистика текста. М., 2003.
- Фигуровский 1948 – И.А. Фигуровский. От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста // РЯШ. 1948. № 3.
- Baron 2000 – N. Baron. Alphabet to email: How written English evolved and where it's heading. London, 2000.
- Biber 1989 – D. Biber. A typology of English texts // Linguistics. 27. 1989.
- Brown, Levinson 1987 – P. Brown, S.C. Levinson. Politeness : Some universals in language usage. Cambridge, 1987.
- Chafe 1982 – W. Chafe. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // D. Tannen (ed.). Spoken and written language: Exploring orality and literacy. Norwood, 1982.
- Chafe 1994 – W. Chafe. Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago, 1994.
- Graesser, Goodman 1985 – A.C. Graesser, Sh.M. Goodman. Implicit knowledge, question answering, and the representation of expository text // B.K. Britton, J.B. Black (eds.). Understanding expository text: A theoretical and practical handbook for analyzing explanatory text. Hillsdale, 1985.
- Kibrik 2002 – А.А. Кибрик. Discourse genre, genre schemata, and rhetorical relations // Paper presented at the 6th Conference on conceptual structure, discourse and language. Rice University, Houston, Texas, October 11–14, 2002.
- Kong 1998 – K. Kong. Are simple business request letters really simple? A comparison of Chinese and English business request letters // Text. 18. 1998.

- Labov 1972 – *W. Labov*. Language in the Inner City: Studies in the Black English vernacular. Philadelphia, 1972.
- Longacre 1983 – *R. Longacre*. The grammar of discourse. New York, 1983.
- Longacre 1992 – *R. Longacre*. The discourse strategy of an appeals letter // *W. Mann, S.A. Thompson* (eds.). Discourse description. Amsterdam, 1992.
- Mann, Thompson 1988 – *W. Mann, S.A. Thompson*. Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization // *Text*. 8. 1988.
- Nichols 1988 – *J. Nichols*. Nominalization and assertion in scientific Russian prose // *J. Haiman, S.A. Thompson* (eds.). Clause combining in language and discourse. Amsterdam, 1988.
- Norricks 2003 – *N. Norricks*. Remembering and forgetfulness in conversational narrative // *Discourse Processes*. V. 36.1. 2003.
- Scollon, Scollon 2001 – *R. Scollon, S.B.K. Scollon*. Intercultural communication: A discourse approach. Malden (Mass.), 2001.
- Schiffrin et al. 2001 – *D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton*. The handbook of discourse analysis. Malden (Mass.), 2001.
- Swales 1990 – *J. Swales*. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge, 1990.
- van Dijk (ed.) 1997 – *T.A. van Dijk* (ed.). Discourse as structure and process. Discourse studies // A multidisciplinary introduction. V. 1, 2. London; Thousand Oaks; New Delhi, 1997.